

“ВРАЖЬИ РИФМЫ”: ПЕРВЫЙ ЕГИПЕТСКИЙ КРИЗИС,
ХАДЖ ИЗ КРЫМА И ЕГИПЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
СРЕДИ КРЫМСКИХ ТАТАР В 1832 г.

© 2016

И. В. ЗАЙЦЕВ, А. А. КРОЛ

Статья представляет собой частичную публикацию и исследование документов из ГАРФ, объединенных в дело о слухах, распространившихся среди татар Крыма в 1832 г., о скором пришествии египетского паши Мухаммеда Али, который победит русских и завладеет Крымом. Кратко излагаются политические события, связанные с так называемым Первым египетским кризисом, которые непосредственным образом повлияли на умонастроения крымских татар, привели к распространению слухов и крамольной литературы. Высказывается предположение, что в Египте, через который лежал путь крымских татар, а также горских народов Кавказа, отправлявшихся в хадж, велась санкционированная Мухаммадом Али антирусская пропаганда.

Ключевые слова: крымские татары, первый египетский кризис 1832–1833 гг., Мухаммед Али, хадж.

“ENEMIES’ RHYMES”: THE FIRST EGYPTIAN CRISIS,
HAJJ FROM THE CRIMEA AND EGYPTIAN PROPAGANDA
AMONG THE CRIMEAN TATARS IN 1832

Ilya ZAYTSEV, Alexey KROL

The article offers a publication of documents from the State Archive of the Russian Federation about the rumors spread among the Crimean Tatars in 1832, related to the imminent coming of the Egyptian ruler Muhammad Ali, who would win Russians and take possession over the Crimea. The article outlines the political developments related to the so-called Egyptian Crisis (1832–1833), which directly affected the spirits of the Crimean Tatars and led to the spread of rumors and predictive literature. The authors assume that in Egypt, through which laid the path of the Crimean Tatars to Mecca, Muhammad Ali conducted anti-Russian propaganda.

Keywords: the Crimean Tatars, the First Egyptian Crisis 1832–1833, Muhammed Ali, hajj.

15 сентября 1832 г. на имя таврического губернатора А. И. Казначеева был написан донос. Автором его был некий Ахмет-ага Джуроглу, “турецкой службы подполковник, оставшийся навсегда в России, жительствующий в городе Бачесарае”. Весьма красочный слог и вместе с тем содержание доноса заслуживают того, чтобы привести его целиком:

“Хлеб и соль, коими питаюсь от щедрот российского Государя! Долг чести, верности и любви и преданности всегдашней к Престолу Его Величества! Обязывают меня не умалчивать о том, что случайно мною узнано. Новость сия весьма важна и прискорбна может быть для всех и каж-

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, ilyaAugust@yandex.ru.

КРОЛ Алексей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт и музей антропологии им. Д. Н. Анучина, МГУ, alexikrol@mail.ru.

Ilya ZAYTSEV – PhD (History), director, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. ilyaAugust@yandex.ru.

Alexey KROL – PhD (in History), Senior Research Fellow, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Lomonosov Moscow State University, alexikrol@mail.ru.

дого верноподданного, там, где между прочем даже до высокога имени обожаемого Государя дерзнули коснуться вражьи рифмы.

В разстроенном положении моего здоровья не могу я собраться силами, чтобы выразить объем мыслей моих о сем немаловажном деле, только спешу доложить Вам вкратце, что тут в Бакчесарае заводится между некоторыми татарами что-то безумное, изменническое и следственно весьма злое.

Летом, когда я обрабатывал виноградное мое место, приходит ко мне сосед мой бакчесарайской татарин Мулла Дервиш, который был мною ласкаем и пред которым я всегда выказывал себя великим соревнователем исламизма, подражая известному мне его Дервиша характера, дабы более привлечь к себе его доверие, наконец, когда увидал он во мне несомненного мусульманина, стал откровенно говорить со мною о многих войнах, о переворотах в Турции и наконец о Крыме, говоря, что земля сия скоро будет взята мюсюманнами, что знает он сие по астрологии и кабалистике арабской, что покоритель Крыма будет именем Мегмет-Али Паша, и что по сделанному им вычислению от времени рождения сего Паши выходит так, что непременно он воз(ь)мёт Крым. Потом, в доказательство слов своих он принес из дома одну маленькую книжку рукописную в стихах и читал мне оную с восторгом, повторяя неоднократно свои счисления, по коим выходит, что в 1246-м и 1247-м гг от эгиры начнется шествие Мегмеда-Али, и что человек сей Сагибюль-Хуручь¹, т.е. от Бога данную власть имеет покорить свет. Долго я размышлял о сем и ничего не мог прямо заключить, не зная подлинно с чего это взято или выдумано; один ли Дервиш так уверен или еще кто из татар знают сие, а потому решился я подумать и разведать еще между другими такими татарами коих мог заметить более склонными к таким событиям. После чего, словесных разговоров успел я много извлечь везде, но документального или свидетелями доказательства долго не находил. На сих же днях узнал, что предсказания Дервиша весьма много действуют на умы татар при открывшейся формальной войне Мегмеда-Али против султана, кроме того у них есть песня Мегмеда-Али паши, которая в сильных выражениях уверяет их, что он победит русских, завладеет Крымом, а паче всего, что он крымскому народу благоволение сделать имеет, и что народу сему один знак имеет. Песню сию я сам прочитал всю и нашел ее сущим воззванием к народу крымскому со стороны Мехмета-Али паши в самых сильных пиитических выражениях, где к немалому прискорбию упоминается и то, что государя московскаго поясница погнута.

Нарочито для объяснения сего Вашему превосходительству приезжал я в Симферополь, но не застал Вас тут; Вы были, как я слышал, в Феодосии. Теперь узнав, что изволили приехать, долгом считаю при всей моей крайности оставить все мои домашние занятия и обратиться к Вашему превосходительству с доставлением сего сведения; с тем однако, чтобы татарам не был я открыт, ибо в противном случае от злобы их неминуемо могут постигнуть меня худыя последствия; что же касается до обнаружения истины сего обстоятельства, то Ваше превосходительство, поручите жандармскому начальнику Озерову и бакчесарайскому частному приставу Спиранди, знающему хорошо язык татарский, а я укажу им, где книжка предсказательница о Мегмете-Али. Сообразуясь на всяком шагу преследования и розыска, могу напомнить им ближайшия меры к отысканию всего нужного, ибо я все уже разведаль; могу даже во удостоверение справедливости, привести Дервиша в такое место, где весьма удобно могут сами разыщики выслушать слова его о сем Мегмете-Али. Впрочем, Ваше превосходительство – начальник, сами знать изволите, как поступить. Мое дело было, узнав, заплатить долг верности Государю! И, кажется, исполнил, ничего пред Вами не скрывая. Я давно Вас знаю, Александр Иванович! Уверен, что ничего из виду не упустите...” [ГАРФ, ф 109, оп. 1832, д. 409, л. 17–18об.].

Казначеев ничего из виду не упустил. Бывшему подполковнику турецкой службы было сделано губернатором “наставление” относительно того, как разыскать “предсказательную книжку”. Мулла Дервиш жил в деревне мурзы Мемета Крымтаева на Салгире, где обучал детей грамоте. Туда и отправился 17 сентября 1832 г. Джуроглу, с тем, чтобы спровоцировать Дервиша и разузнать, где предсказание. На следующий день оба поехали в Бахчисарай. «Дорогою, – писал Джуроглу Казначееву, – я разговаривал много с Дервишем о Мегмет Али паше, спрашивая между прочим, как он думает о мурзах крымских, будут ли они содействовать Мегмет Алию? Ответы его на сие были нерешительны. Потом, когда спросил его в особенности о Мегмет Мурзе, отвечал он, что сей мурза весьма

¹ Т.е. “Господин над грехами” – араб. صاحب الحرج .

верный мусульманин, предан исламу и всегда рад избавлению от владычества христианского, присовокупляя, что также Адиль Бей² и многия другия мурзы весьма рады пришествию Мегмета Али паши. Дабы не подать на себя сомнения, я перестал говорить о сем более, а сказал Дервишу, что я не верю мурзам, они более преданы Русскому Правительству. На сие возразил он: “Как, Боже сохрани! Они весьма привержены Мусульманскому Государству и всегда желают его» [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 31–31об.].

20 сентября в Бахчисарае Джуроглу, поговорив с Муллою Дервишем о египетских делах в кофейне Селатчи Сейида-челеби, пригласил его к себе в дом, где между ними произошла такая беседа:

“Я тебе говорю, Ахмет-Ага, поезжай к Мегмет Али паше, там хорошо тебе будет. Когда поедим на Южный берег при возвращении оттоль, заезжай ко мне, приготовлю 3 книги рисале, и которая понравится – спишу. Ахмет Ага! Узнай у гяуров, что говорят между собою, так как ты близок к ним. Мегмет Али паша скоро будет в Крыму”. Когда я спросил его: “Да где же он пройдет сюда?”, то он сказал: “Часть войска будет в Козлове и в Тарканларе³, а часть по Южному берегу и в Алуште”. Тут, когда я напомнил ему: “А Севастополь?”, Дервиш примолвил: “Зачем? Там горы большие”. После того я предложил ему вопрос о мнении здешних мурз на щет Мегмет Али паши, на что отвечал Дервиш сими словами: “Мегмет Мурза, Адиль Бей (и еще какой-то мурза, не помню, Али или Адиль) все согласны и рады сему случаю и приходу Мегмета Али паши. Мегмет Мурза говорит, хотя с татарами трудно будет, но деньгами можно все делать”. Потом, когда повторил я к нему прозьбу о списании копии книжки, он, Дервиш, отвечал так: “Я тебя уверяю, Ахмет Ага, что пришлю в пятницу книжку. Есть ли Мегмет Али паша будет в Крыму, счастливы будем, он покойнее будет. Я вам спишу и пришлю две статьи, самые важные и ясно предсказывающие обо всем”» [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 33–33об.].

21 сентября 1832 г. по приказу А.И. Казначеева в деревне Мехмед-мирзы Крымтаева бумаги Муллы Дервиша были изъяты, а сам он на следующий день арестован в Бахчисарае.

Два стихотворения из “песенника” Муллы Дервиша доносчик Джуроглу перевел на русский язык прозой. Благодаря переводам из “Рисале”, мы можем обогатить наши представления о характере крымскотатарской народной духовной поэзии, наполненной ожиданиями скорого избавления от ярма “неверных” и откликавшейся поэтому на политические происшествия в близком исламском мире. Упоминание в них древних, хорошо известных и почитаемых святых мест – *азисов*, расположенных в непосредственной близости от Бахчисарая (Гази-Мансур и Малик Аштер/Аждер)⁴, говорит о крымском происхождении стихов. Вполне возможно, что автором их был сам Мулла Дервиш. Их содержание по духу близко известным нам также в переводах произведениям крымскотатарской народной поэзии [Кондораки, 1883, приложение; Сергеев, 2005, с. 429]. Впрочем, без татарских оригиналов наши суждения об этих стихах неизбежно будут ущербными. Мы публикуем переводы стихов в приложении.

10 октября 1832 г. А.И. Казначеев направил новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М.С. Воронцову изложение доноса Джуроглу. Ровно через неделю М.С. Воронцов отправил бумаги А.Х. Бенкендорфу. На полях этого документа появилась пометка, сделанная, видимо, рукой самого шефа жандармов: “Краткая записка

² Скорее всего, имеется в виду потомственный дворянин, полковник Симферопольского конно-татарского полка, кавалер нескольких орденов Российской империи князь Адиль-бей Балатуков (р. 1784). В 1802 г. был председателем дворянства Евпаторийского уезда. В 1804–1812 гг. служил на черноморском побережье Кавказа, принимая участие в сражениях крепостей Анакреи и Поты. Затем в составе Симферопольского крымско-татарского полка под командованием брата – Кая-бея Балатукова – служил на границе с Пруссией и принимал участие в битвах войны 1812 г., командуя казачьей бригадой. После смерти брата с 1827 по 1828 г. командовал его гвардейским эскадронам в Санкт-Петербурге, охраняя Зимний дворец. Отчислен по болезни, вернулся в Крым, где проживал в своем родовом имении Каралез (Биюк Каралез, совр. село Красный Мак Бахчисарайского района).

³ Т.е. в Гёзлеве (совр. Евпатория) и на мысе Тарханкут на крайнем западе Крымского полуострова (Авт.).

⁴ См. о них: [Зайцев, 2007, с. 157–163; Зайцев, 2008, с. 151–157; Зайцев, 2012, с. 61].

государю” [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 2об.]. Таким образом, через месяц история бахчисарайского муллы в изложении Джуроглу оказалась известна императору России.

Личность Ахмет-аги Джуроглу примечательна. Происхождение его доподлинно неизвестно. В письме А.И. Казначееву он сообщал о себе следующее: “нахожу нужным доложить Вашему Превосходительству, что я всегда был предан Российскому Государю и всюду старался о пользе России. Осмеливаюсь засвидетельствовать своими аттестатами, что я приверженность мою к россиянам не упустил доказывать и вне пределов России, в таких даже местах, где жизнь моя погружена была уже в пучину гибели, как было сие в крепости Силистрии, где наконец два трехбунчужных паши убеждены были внимать моему согласию или несогласию. Это право не проницательством, а жизнью и кровию многих моих друзей было куплено, и все сие делал я для пользы милой России, в которой долго жил и коей обязан за просвещение” [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 34об.]. Речь скорее всего идет о взятии русскими войсками османской крепости Силистрии, которое произошло 18 июня 1829 г. Из документов дела становится ясным, что Джуроглу имел “хорошие аттестаты от господ генералов Рота и Красовского” и получал от российского правительства 800 руб. пенсии. Впрочем, репутация его была довольно сомнительна. М.С. Воронцов прямо писал А.Х. Бенекендорфу: “Человек, донесший о существовании между Татарами слухов сих, самой дурной нравственности. Он имел случай сделать что-либо для себя полезное, конечно преувеличив все нелепые рассказы, дабы дать более важности своему доносу. Доноситель сей находился прежде в Российской службе, был под судом и из под ареста бежал за границу в Турцию, переменял веру, и наконец изменил и сим последним, перешедши снова на нашу сторону” [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 2–2об.]. Ничего больше о его жизни до описываемых событий, равно как и о последующей судьбе, мы не знаем⁵. Неизвестно и о том, как сложилась впоследствии жизнь Муллы Дервиша.

Приведенные архивные документы представляют собой интересный материал по внешней политике правителя Египта Мухаммеда Али (1805–1849). Не менее важны они как источник для изучения умонастроений, которые царили у части крымских татар в самом начале 1830-х гг.

События, описываемые в документах, происходили в 1832–1833 гг. и были непосредственным образом связаны с так называемым Первым египетским кризисом. Вкратце рисуем, как развивался этот кризис, в который были вовлечены Египет, Османская империя и великие державы. Причиной кризиса стал захват египетской армией под командованием сына Мухаммеда Али Ибрагима-паши входивших в состав Османской империи территорий в Палестине и Сирии, а затем и в Анатолии. Предлогом для начала военных действий послужил отказ правителя Акки депортировать около шести тысяч египетских крестьян, бежавших в Палестину от налогового гнета и рекрутской повинности [Fahmy, 1997, p. 42]. Подлинной же причиной начала кампании было стремление Мухаммеда Али присоединить к своим владениям Сирию, экономика которой с давних пор была тесно переплетена с египетской [Rustum, 1925, p. 23]. Кроме того, египетский паша остро нуждался в сирийском лесе для реализации своих многочисленных строительных проектов и для восстановления военного флота, сожженного в Наваринской бухте в ноябре 1827 г. Египет также зависел от сирийского древесного угля [Rustum, 1925, p. 15–18]. Нужны были и новые рекруты для пополнения состава действующей армии [The Cambridge History of Egypt, 2008, p. 166]. Наконец, гористая Сирия и Палестина должны были стать буферной зоной, ограждавшей африканские владения Мухаммеда Али от вторжений из Азии [Rustum, 1925, p. 30].

Впервые свои претензии на Сирию Мухаммед Али предъявил еще в 1813 г. во время египетской экспедиции в Хиджаз [The Cambridge History of Egypt, 2008, p. 165]. Сирию и Крит губернатор Египта рассчитывал получить после подавления греческого восстания в качестве компенсации расходов египетской казны на содержание армии [The Cambridge History of Egypt, 2008, p. 165; Еремеева, 1965, p. 476]. Однако, после того как в ноябре

⁵ Какой-то Джуроглу-паша упоминается в русских документах, касающихся осады Хотина в 1788 г. Однако к бахчисарайскому Джуроглу он может и не иметь прямого отношения.

1827 г. египетско-османский флот был уничтожен объединенной англо-франко-российской эскадрой в Наваринском сражении, Стамбул отказался от выполнения своих обещаний [Rogan, 2009, p. 76]. Махмуд II отдал в управление вице-королю Египта лишь остров Крит (Кандию) [Петрунина, 2008, с. 311]. Осознав это, Мухаммед Али приступил к строительству нового флота и подготовке армии к завоеванию Сирии.

В ноябре 1831 г. тридцатитысячное египетское войско вторглось в Палестину. Хорошо укрепленная Акка оказала наиболее упорное сопротивление. Ее осада продолжалась почти полгода. Однако после взятия крепости египетские войска не остановились, а вторглись на территорию Сирии и вскоре без особого сопротивления заняли Дамаск.

В апреле 1832 г. Порты, которая прежде предпочитала считать военные действия Египта в Палестине внутренним конфликтом между вассалами султана, обвинила Мухаммеда Али в мятеже. Была издана фетва, в которой он объявлялся бунтовщиком, отложившимся от власти повелителя мусульман, а его истребление провозглашалось долгом всех правоверных [Муравьев, 1874, с. 143–145]. В июле 1832 г. у Хомса произошло первое крупное сражение между армией Ибрагима-паши и турецкими войсками, которое закончилось разгромом османских сил. Вскоре был захвачен Алеппо, что завершило завоевание Сирии. Однако армия Ибрагима-паши продолжила движение и вскоре вступила на территорию Анатолии, где в битве при Конии 21 декабря 1832 г. наголову разгромила турецкую армию [Rogan, 2009, p. 76]. Путь на Стамбул был открыт. В этих условиях возросли и геополитические амбиции Мухаммеда Али. Отныне он стремился к тому, чтобы сместить султана Махмуда II и посадить на трон в Стамбуле лояльного себе правителя [Karsh, Karsh, 2001, p. 33].

Эта часто высказываемая в литературе точка зрения, впрочем, не является общепризнанной. По мнению Асада А. Рустума, она опирается лишь на публичные высказывания турецких министров и послов, а также на публикации в турецкой печати и, таким образом, должна восприниматься как элемент антиегипетской пропаганды [Rustum, 1925, p. 7]. По мнению Халеда Фахми, Мухаммед Али, оставивший по менталитету, языку, культуре турком, в решающий момент военных побед оказался не готов отложиться от Стамбула и совершить последний шаг к тому, чтобы сделать Египет самостоятельным государством [*The Cambridge History of Egypt*. 2008, p. 167].

Документы из российского консульства в Египте, кажется, опровергают эту последнюю точку зрения. Выполнявший обязанности генерального консула России в Александрии П. Ж. Лавизон⁶, много раз встречавшийся с правителем Египта и имевший хорошие связи при его дворе, писал в разгар кризиса, когда было принято решение о закрытии российской дипломатической миссии (23 сентября 1832 г.):

“Из того, что мне говорили накануне моего отъезда из Александрии некоторые люди, пользующиеся доверием Мухаммеда Али, становится понятно, что следует опасаться, что мир с Портой может быть только передышкой, поскольку египетский паша жаждет свержения своего суверена. Всем известно, насколько амбициозен он в своих высказываниях, особенно в периоды, когда ему приходят новости об определенных успехах; уж не говоря о том, что его решительный и целеустремленный характер никак не вяжется с колебаниями...”

Без сомнения, и в Константинополе, и в других местах у него есть скрытые сторонники, которых он поддерживает в убеждении, что питает неприязнь только к турецкому султану и ни в коей мере к его династии; что он стремится к восстановлению Османской империи, и это его единственная цель, к достижению которой его подталкивают чаяния улемов Святых Городов, удерживаемых им с помощью военной силы, а также всех турок в целом” [*Le Règne de Mohamed Aly*, 1931, p. 548].

⁶ В литературе часто путают Проспера Жозефа Лавизона, бывшего первоначально драгоманом российского консульства в Александрии, а с 17 февраля 1831 г. по 1 сентября 1832 г. – генеральным консулом России [*Le Règne de Mohamed Aly*, 1931, p. X, 537], с его сыном Эдуардом Лавизоном (1827–1889), также находившимся в должности российского консула в Александрии. О не слишком усердном исполнении последним своих дипломатических обязанностей упоминает Е. П. Блаватская: http://www.e-reading.club/chapter.php/1013316/28/Senkevich_-_Blavatskaya.html.

Учитывая безграничное честолюбие Мухаммеда Али, сравнивавшего себя то с Александром Македонским, то с Наполеоном, то с Петром I, можно предположить, что захват Сирии и получение независимости Египта были лишь “программой-минимум” сирийской кампании.

Есть основания считать, что Мухаммед Али стремился к созданию своей собственной империи [Karsh, Karsh, 2001, p. 27–41]. Уже в 1825 г. правитель Египта заявлял: “Я прекрасно понимаю, что [Османская] империя постепенно катится к гибели и мне сложно будет ее спасти. Зачем же мне прилагать усилия, чтобы предотвратить неизбежное. На ее обломках я создам огромное царство... мой победоносный сын в течение года сможет выполнить эту миссию, дойдя до берегов Тигра и Евфрата, прочных рубежей государства, которое я ему предназначил и которое он завоеует своей храбростью” (Письмо генерала П. Бойера генералу Д. О. Бельяру от 18 июля 1825 г. Цит. по: [Rustum, 1925, p. 11]).

К концу 1832 г. сложившаяся ситуация могла закончиться катастрофой для Османской империи. На расстоянии дневного перехода от столицы стояла египетская армия, которой нечего было противопоставить. Англия и Франция, выражая свою дипломатическую поддержку Турции, на деле не предпринимали никаких конкретных шагов. Франция нуждалась в нейтралитете Египта в связи с начавшейся в 1830 г. оккупацией Алжира; Англия была занята европейскими “делами” и приближавшимися парламентскими выборами и не желала вмешиваться в крупный конфликт на Ближнем Востоке [Karsh, Karsh, 2001, p. 33; Еремеева, 1965, с. 500].

В этих условиях Махмуд II обратился за помощью к извечному врагу Турции – Российской империи. В Петербурге сочли, что ослабленная Турция, отношения с которой строились на выгодных для России условиях Адрианопольского мирного договора 1829 г., предпочтительнее сильного, амбициозного государства, которое Мухаммед Али мог бы создать на обломках Османской империи [Еремеева, 1965, с. 487; Петрунина, 2008, с. 335]. Поэтому в феврале 1833 г. российский военный флот вошел в Босфор. Николай I заявил, что корабли не покинут проливы прежде, чем армия Ибрагима-паши вернется за горы Тавра. В апреле того же года недалеко от Стамбула высадился пятитысячный русский экспедиционный корпус. Одновременно другой русский корпус двигался к Стамбулу со стороны Дуная [Зеленев, 1999, с. 241]. Боясь усиления влияния России на Босфоре, Англия и Франция также начали оказывать давление на Мухаммеда Али, принуждая его отвести войска.

Кризис завершился 4 мая 1833 г. подписанием мирного договора между Османской империей и Египтом в Кютахье, согласно которому подтвердились права Мухаммеда Али на Египет, Аданский округ, Судан и Крит, а сам паша назначался правителем Палестины, Сирии, Киликии. Египет оставался в составе разгромленной Порты, а сам Мухаммед Али – в вассальной зависимости от Махмуда II [Fahmy, 1997, p. 43–44, 68]. Мухаммед Али должен был вывести войска из Анатолии, тем самым устранялась необходимость пребывания русской армии в Турции [Петрунина, 2008, с. 342]. Такова была политическая и военная ситуация на Ближнем Востоке в 1832–1833 гг.

Есть основания считать, что известие о слухах в Крыму и о якобы существующих сношениях крымских татар с Мухаммедом Али могли дополнительно повлиять на решение Николая I вмешаться в конфликт турецкого султана и египетского паши. Как мы уже знаем, в середине октября 1832 г. А. Х. Бенкендорф подготовил императору краткую записку о слухах среди татар. Однако Николай I не желал посылать войска на Босфор, полагая, что это приведет к обострению отношений с другими великими державами. Поэтому в октябре 1832 г. в Константинополь, а затем в Александрию был послан во главе дипломатической миссии хорошо разбиравшийся в восточных делах генерал-лейтенант Н. Н. Муравьев. Целью его миссии было заверить Махмуда II в том, что Россия готова оказать помощь Турции и попытаться склонить Мухаммеда Али к полному прекращению военных действий на суше и на море [Муравьев, 1869, с. 5].

Как уже говорилось, российская дипломатия стремилась к сохранению статус-кво на Ближнем Востоке. По мнению канцлера К. В. Нессельроде, "...нашествие египетского паши грозило падением турецкой империи, коей слабое и расстроенное состояние было самым лучшим поручительством спокойствия наших южных границ. Завоевание Турции Мегмед-Али-пашею могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание султана на колеблющемся престоле его" [Муравьев, 1869, с. 2].

Захват Стамбула и смена власти в Османской империи могли привести к мятежам в самой Турции, на границах Российской империи. Поэтому одновременно с командированием Н. Н. Муравьева внешнеполитическое ведомство распорядилось "известить соседних турецких пашей о намерениях России, заверить их в устойчивости Порты и произвести на них соответствующее впечатление, чтобы они не вышли из повиновения султанскому правительству" (Экстренная депеша Нессельроде А. П. Бутеневу 6. XII/24. XI 1832 г. [АВПР, д. № 50, л. 378–379]; цит. по: [Еремеева, 1965, с. 494]).

Эти опасения опирались на имевшуюся в распоряжении российского внешнеполитического ведомства информацию о готовности турок поднять проегипетский мятеж в европейских владениях Османской империи, прежде всего Болгарии и Греции [Еремеева, 1965, с. 496]. Ибрагим-паша рассылал письма с призывом отложиться от власти султана. В письме к паше Латакии он призывал его "присоединиться к правоверным мусульманам, стремящимся освободить ислам от христианских обрядов, насажденных султаном Махмудом" [Rustum, 1936, p. 33]. Агенты Ибрагима-паши подстрекали к мятежу против султана Махмуда II не только во всех провинциях Малой Азии, но также в Южной Аравии и областях Персидского залива [Еремеева, 1965, с. 497].

Наступление египетских войск беспокоило российского императора и потому, что могло привести к возмущению среди мусульман – подданных его империи. В разговоре с Н. Н. Муравьевым перед его отъездом в Египет Николай I сказал: "...впечатления, произведенные разглашениями египетского паши, становятся очень сильны, так что мои крымские татары, доселе всегда спокойные, ныне тревожатся; между ними распущены песни с пророчествами о скором прибытии Мегмед-Али-паши, как заступника православных мусульман. Я прежде обходился шестью батальонами в Крыму, теперь же этого мало; надобно будет усилить там число войск" [Муравьев, 1869, с. 11]. Разговор этот состоялся 3 ноября 1832 г. [Муравьев, 1869, с. 9], как раз в тот день, которым датирован публикуемый нами "Всепоподаннейший доклад о разговорах татар в Крыму насчет Паши Египетского".

Интересно, что экспансию Мухаммеда Али российский самодержец воспринимал как последствие июльской революции 1830 г. во Франции, которая стала сильным потрясением для монархических режимов Европы. В той же беседе с Н. Н. Муравьевым Николай I высказался о египетском кризисе как о новом зародыше зла и беспорядка, который возник вследствие "возмутительного духа, овладевшего ныне Европою и в особенности Францией" в результате сознательной деятельности неких "беспокойных голов", "людей бесприютных, без отечества, изгнанных всеми благоустроенными обществами", которые "окружают Мегмед-Али-пашу, наполняют флот и армию его".

Другими словами, Николай I, как представляется, воспринимал угрозу, которую несло российскому государству возможное падение Константинополя, в духе проводимой им в Европе охранительной политики. В разговоре с Н. Н. Муравьевым император описывает Мухаммеда Али как носителя европейских либеральных идей, не воспринимая принципиально новые угрозы, которые нес Российской империи конфликт с мусульманским государством.

Миссия Н. Н. Муравьева не привела к ожидавшимся результатам. Мухаммед Али заверил посланника российского императора в том, что остановил продвижение египетских войск к турецкой столице, однако, как стало известно Н. Н. Муравьеву еще до его отплытия из Александрии, все распоряжения Мухаммеда Али были даны лишь для

того, чтобы выиграть время, создав у посланника иллюзию покорности воле российского императора. Н. Н. Муравьев, впрочем, не дал ввести себя в заблуждение относительно подлинных планов Мухаммеда Али, считая, что “покорность его, конечно, была притворной, а смирение временным” [Муравьев, 1869, с. 127].

Вне зависимости от того, каковы были геополитические планы Мухаммеда Али, ограничивались ли они лишь присоединением Сирии и получением независимости подвластных территорий или предполагали смену власти в Стамбуле с последующим созданием новой империи с центром в Каире, он, безусловно, предполагал, что Россия может выступить на стороне турецкого султана и помешать осуществлению его честолюбивых замыслов. Поэтому представляется небеспопеченным предположение о том, что с определенного момента планы Мухаммеда Али, связанные с экспансией на Ближнем Востоке, могли включать организацию возмущений на мусульманских территориях России, в частности в Крыму, с целью отвлечь внимание России от активного участия в разрешении кризиса.

Можно предположить, что если Мухаммед Али планировал дестабилизировать ситуацию на окраинах России, то к активным действиям в этом направлении он скорее всего приступил не ранее августа 1832 г. Именно в это время с целью убедить султана Махмуда II в твердом намерении России оказать помощь Турции в конфликте с Египтом канцлер К. В. Нессельроде поручил российскому консулу в Константинополе Бутеневу довести до сведения султана решение о немедленном отзывании из Египта генерального консула [Еремеева, 1965, с. 491]. Такое распоряжение было выслано в Александрию российскому консулу Лавизону 30 июля [*Le règne de Mohamed Aly*, 1931, р. 525] и выполнено 19 августа [*Ibid.*, 1931, р. 537].

Впрочем, согласно дипломатической переписке Лавизона и Бутенева, Мухаммед Али уже в начале июня, пользуясь сведениями своих информаторов в Константинополе, знал о концентрации русских войск в Одессе и боевой готовности черноморского флота [*Le règne de Mohamed Aly*, 1931, р. 509].

В публикуемых документах говорится о том, что сочинения о Мухаммеде Али египетском и песни были привезены в Крым вместе с паломниками из Мекки. В них также содержится информация, что ежегодно из Крыма в хадж отправлялось до 200 человек зажиточных татар⁷. Хадж из Крыма осуществлялся издавна: есть достаточно много сведений о представителях крымской родовой знати и правящей династии Гиреев, которые совершали паломничество в конце XV–XVI в. Обычно для свободного проезда будущий паломник снабжался особой ханской грамотой – проезжим ярлыком [Зайцев, 2015, с. 115–118]. В турецко-крымскотатарском словаре Н. Витсена (конец XVII в.), где религиозная терминология почти полностью отсутствует, зафиксировано название священного колодца в Мекке Земзем [Baski, 1986, р. 166].

После присоединения Крыма к Российской империи администрация сразу столкнулась с необходимостью выдачи паспортов для выезда татар – русских подданных. Один из первых документов о хадже из уже российского Крыма датирован 11 октября 1783 г. Это рапорт О. Игельстрома из Карасубазара Г. А. Потемкину:

“Господин генерал-поручик и кавалер граф Дебалмен рапортует ко мне, что Эфенди Зекир, оставшейся здесь в вечном Ея Императорского Величества подданстве, являсь у него господина генерал-поручика и кавалера графа Дебалмена объявил, что он имеет намерение отправитца на поклонение Магаметову гробу, куда на свободной проезд просит пашпорта. Я о сем донеся Вашей светлости, покорно испрашиваю резолюцию, повелите ли как сего Зекира, так ежели и впредь ему подобныя будут просители, отпускать оных в Мекку” [РГВИА, ф. 52, оп. 1, д. 296, л. 153].

⁷ Применительно к 1830-м гг. сложно даже приблизительно оценить количество паломников – подданных Российской империи, которые ежегодно отправлялись к святым местам ислама. Первые приблизительные данные относятся ко второй половине XIX в., когда было налажено регулярное пароходное сообщение на Черном и Средиземном морях. Начиная с этого времени известно, что в хадже принимало участие 9–10 тыс. российских мусульман [Арапов, 1999, с. 300].

Англичанин Роберт Лайелл, совершивший в 1822 г. путешествие по Крыму, заметил: «...крымские татары имеют обыкновение ходить в Мекку. Мы видели одного из пилигримов, когда он, верхом на лошади, пересекал Салгир. Расспросив его, мы узнали, что он собирается со временем продать свою лошадь, рассчитывая так себя прокормить в дороге. С собой у него тогда было лишь несколько рублей, и его очень обрадовала наша милостыня, так же как и подавляющая других, пожертвованные на осуществление его благочестивого намерения». В татарских кофейнях «на головах хаджиев, или тех, кто совершил паломничество в Мекку или Медину, возвышались белые тюбаны как знак почета» [Лайелл, 2003, с. 23]. Другой англичанин, Джеймс Уэбстер, в 1827 г. в Алуште заметил татар, которые рыли ямы за забором кладбища. «Этим делом были заняты восемь или десять человек. Двое самых старых из них, те, для кого этот обряд проводился, должны были через два дня отправиться на паломничество в Мекку, и, если они не смогут вернуться, их памятники – эти вертикальные камни, увенчанные чалмами, будут размещены на месте вырытых ям. Еще там было десять или двенадцать больших горшков, подготовленных для супов и других угощений, которые должны были быть приготовлены накануне их отъезда, с тем, чтобы жители из их местечек могли принять участие в пиру, организуемом за счет добровольных вложений» [*Крымские путешествия*, 2016, с. 117–118].

Нам неизвестны документы, в которых бы применительно к интересующему нас периоду описывался маршрут движения паломников из Крыма в Мекку и Медину и время, которое занимал хадж. Первые упоминания маршрутов, которые использовали мусульмане, чтобы попасть в Хиджаз, относятся уже к концу XIX в. В 1899 г. был опубликован «Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз» [*Хадж российских мусульман*, 2009]. В том же году поручик Яровой-Равский по поручению генерал-губернатора Туркестана С. М. Духовского составил краткую справку о хадже. В ней он писал, что паломничество российских мусульман совершалось по трем путям: через Закавказье и северную часть Ирана через Керманшах и Ханекин на Багдад для посещения Казмейна, Кербелы и Неджефа, а затем, далее в Аравию – Мекку и Медину. Этот путь, по словам Яровой-Равского, избирали прежде всего шииты Российской империи [Яровой-Равский, 1899, с. 143].

Другой путь лежал через Самарканд и Бухару в Афганистан на Мазар-Шариф, Кабул и Пешавар, а оттуда – в Бомбей и далее морем в Джидду, которая служила основной гаванью Мекки и Медины. Этим путем пользовались паломники из среднеазиатских областей России [Яровой-Равский, 1899, с. 145].

Наконец, в Аравию можно было попасть и через порты Черного моря (Одессу, Севастополь или Батуми). В этом случае путь лежал в Константинополь, а оттуда в Суэц и далее в Ямбо (современный Ямбу) или Джидду. Этим путем прибывали в Мекку и Медину российские татары и мусульмане Кавказа [Яровой-Равский, 1899, с. 146; Резван, 1998, с. 97]. Основной путь как христианских, так и мусульманских паломников пролегал через порты Черного моря и Константинополь, начиная еще с раннего средневековья [Арапов, 1999, с. 295].

Таким образом, паломники из Крыма плыли в Константинополь, а оттуда в Александрию – главный средиземноморский порт Египта⁸. Английский востоковед Ричард Бертон, совершивший в 1853 г. путешествие в Мекку и Медину, выдав себя за хаджи, писал, что в Александрии пилигримов разделяли на три потока: тех, кто следовал в красноморский порт Суэц, порт Кусейр или же сухопутным путем отправлялся через Синай на Акабу и далее в Хиджаз [Burton, 1892, p. 168]. О возвращении такого каравана паломников из Мекки, который шел вдоль Красного моря до Суэца, говорится в дипломатической переписке Лавизона и Бутенева, датированной июлем 1832 г. [*Le règne de Mohamed Aly*, 1931, p. 525]. Однако все паломники независимо от выбранного пути собирались сначала

⁸ В письме Э. Лавизона (первого переводчика генерального консульства России в Александрии) к А. П. Бутеневу (российскому послу в Стамбуле) от 1 февраля 1837 г. говорится, в частности, о деньгах, оставшихся от российских паломников из Малой Кабарды (petit Kubanda) и Крыма, умерших от чумы в александрийском лазарете [*Le règne de Mohamed Aly*, 1934, p. 255].

в Каире, где формировался караван. Бертон писал, что в Суэц стекались толпы пилигримов не только из соседних с Египтом стран, но также из Центральной Азии: Бухары, Персии, Черкесии, Турции и Крыма [Burton, 1893, p. 177], Далее паломники грузились на самбуки – суда, водоизмещением около 50 т [Burton, 1893, p. 186], – и с остановкой по пути в порту Тура на юго-западной оконечности Синайского полуострова [Burton, 1892, p. 201–202] плыли в Янбо – морскую гавань Медины [Burton, 1893, p. 225].

Нам представляется, что паломники из Крыма могли вернуться на полуостров по завершении хаджа в конце лета – начале осени 1832 г. Это предположение основывается на следующих данных. Пять дней хаджа 1247 г.х., т.е. 8–12 числа месяца *зу-ль-хиджа*, соответствовали 8–12 мая 1832 г. В упомянутом письме Лавизона Бутеневу, датированном 24 июля 1832 г., сообщается о прибытии в Каир каравана паломников из Мекки. 30 часов занимала дорога от Каира до Александрии по каналу Махмудий [Burton, 1892, p. 29]. Еще около месяца требовал водный путь из Александрии в Крым через Константинополь.

Маловероятно, что приехавшие из Мекки паломники действительно привезли с собой “Рисаля” и песни. Скорее, как мы уже говорили выше, эти сочинения были составлены в Крыму. Однако можно предположить, что среди крымских татар велась антирусская пропаганда во время их пребывания в Египте и в Хиджазе, который также находился под влиянием Египта. Об этом сообщается в рапорте подполковника Кавальского на имя Бенкендорфа: “...крымские татары, ходящие в Мекку для поклонения Гробу Пророка, проходя Египет, бывают нередко приглашаемы к египетскому Мехмед Али Паше, который ласкал их и некоторых снабжает деньгами и, они, напитанные духом паши, по возвращении в Крым становятся его агентами, распространяют и внушают между татар ненависть к российскому правительству, прославляют Али Пашу как будущего избавителя магометан, и что он в скором времени освободит крымских татар от ига России” [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 7–7об.].

Из более поздних документов известно, что, например, Турция активно использовала период хаджа и пребывания паломников в святых городах для активной пропаганды среди мусульман: “Кааба, таким образом, во время хаджа служит центром религиозной пропаганды, политических переворотов и волнений в мухаммеданском мире” [Яровой-Равский, 1899, с. 150].

Однако Крым, вероятнее всего, не замышлялся как центр антирусских возмущений. Им скорее был Кавказ, те земли, которые к началу 1830-х гг. вошли в состав России или находились в зоне ее территориальных притязаний, прежде всего Дагестан, Черкесия, Чечня. Эти земли непосредственно граничили с владениями Османской империи, и с ними проще было наладить связь. Кроме того, в некоторых районах Кавказа, например в Дагестане и Черкесии, велась война с Россией, что, конечно, облегчало пропаганду среди местного населения.

Одно из донесений, хранящихся в ГАРФ, косвенно подтверждает такое предположение: “Военные успехи Ибрагим Паши в Анатолии наиболее следует приписывать искусству, с коим сей хитрый вождь умеет воспламенять умы мусульман, подкрепляя веру их всеми средствами фанатизма и всевозможными шарлатанствами суеверия, производимых толпами дервишей, факиров и разных магометанских святошей, шествующих за его главною квартирою и рассылаемых им повсюду чтобы возбуждать к восстанию единодушному не только анатолийские народы, но даже всех приверженцев исламизма. Влияние их разлилось от Аравии до Бухарии и простирается по разным племенам кочующих народов: куртинцев, горцев, аджаров, абазинцев и вообще всех племен секты Омара, так называемых суннитов, из Бухарии переходит в Оренбург и смущает слабые умы казанских татар, качующих калмыков, нагайцев и пробегает чрез саратовские и астраханские степи к закубанским народам, а от них вдоль по берегам Черного моря до самой Анапы, где фанатизм сей с другой стороны подкрепляется вновь приезжающими прямо из Анатолии в Керчь, в Кафу, в Евпаторию хаджами или мекскими поклонниками. Таковых кроме иноземных подданных турецких отправляется ежегодно их Крыма до двух сот человек из самых зажиточных татар, мулл, имеющих наибольшее влияние на татар. В ноябре месяце были взяты крессирами нашими

два судна, отправленные от агента паши египетского. На одном из сих кораблей находилась весьма значительная особа, служащий уже двенадцать лет в армии египетского паши в звании полковника черкесский князь и также духовные лица из черкес же. Оные без малейшего допроса по выдержании карантина были выпущены в Крым и вскоре очутились неподалеку от Керчи-Еникауле когда Босфор покрыт был льдом и переправа на черкесскую сторону всем свободна; другие агенты от горцев были схвачены в Феодосии в генваре месяце и, наконец, в Ногайске взяты у Кара-мурзы еще в феврале месяце самим губернатором переписка с горцами, прокламация Ибрагим-Паши и воззвание его повсюду в Крымском полуострове разлитое чрез духовенство мусульманское коего в Крыму около 3000 душ; во всякой деревни мечети, в коих собираются для совещания татары” [ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409. л. 29].

Мы располагаем косвенными данными об антирусской пропаганде агентов Мухаммеда Али в период Второго египетского кризиса 1839–1840 гг. 17 августа 1840 г., когда участники Лондонской конференции договорились между собой об условиях разрешения Египетского конфликта и мерах военной помощи султану в случае отказа Мухаммеда Али принять эти условия, в разговоре с Рифат-беем Мухаммед Али сказал: “Удача, сын мой, мне всегда благоприятствовала. Моя звезда по-прежнему ярко светит, и я не могу допустить, чтобы она померкла. И если когда-либо великие державы примут решение заблокировать порт Александрии, я в тот же миг отдам приказ Ибрагиму-паше двинуть войска вперед, и вы увидите его во главе армии. Ему не составит никакого труда поднять Аравию, Персию и жителей Дагестана, не говоря уже о Черкесии, которая в любой момент готова объединиться со мной” [Le Regne de Mohamed Aly, 1936, p. 447–449].

Речь Мухаммеда Али, на наш взгляд, не стоит воспринимать лишь как бахвальство, рассчитанное на внешний эффект. Она была продумана и предназначена для того, чтобы ее передали представителям дипломатических миссий великих держав, и прежде всего России. 1840-е годы падают на разгар Кавказской войны, что открывало Мухаммеду Али большие возможности, если бы он захотел воспользоваться ситуацией для эскалации конфликта на южных окраинах Российской империи.

Не случайно особо отмечается в приведенной речи египетского паши Черкесия. Офицерский корпус египетской армии был укомплектован именно черкесами. “Высшие должности, как то мир-алая (полкового командира), мир-лива (бригадного командира) и т. д. замещаются большею частью черкесами, абазинами и другими кавказскими горцами, захваченными в малолетстве в плен, которых Мегмед-Али воспитывал за свой счет и потом вместе с определением их на службу в регулярные войска освобождает” [Муравьев, 1869, с. 147].

Есть косвенные данные о том, что во время Второго египетского кризиса существовали контакты агентов Мухаммеда Али с Шамилем. Хотя не найдено подлинных писем лидеру горцев Кавказа от египетского паши или его сына, стоявшего во главе египетской армии, в донесениях русских офицеров они часто упоминаются: “Этот человек (Аджи Магомат Эфенди. – *Авт.*)... появляется с личиною восторга среди чеченского народа, как вестник от египетского паши. Он привез с собой несколько экземпляров подложных писем с фальшивою печатью Ибрагима, и по деревням Малой Чечни, собирая народ, читает эти возмутительные воззвания, в коих будто бы египетский паша объявляет чеченскому народу и вообще мусульманам, что он с несметными силами, идет в пределы Кавказа для освобождения своих единоверцев от ига христиан” (Рапорт генерал-майора А. П. Пулло генерал-адъютанту П. Х. Граббе о необходимости увеличения числа воинских частей в связи с всеобщим восстанием чеченцев от 13 марта 1840 г.; цит. по: [Движение горцев Северо-Восточного Кавказа, 1959, с. 243–244]). Письмо Мухаммеда Али к дагестанским народам, скрепленное его печатью и печатью Ибрагима-паши, упоминается в рапорте генерал-адъютанта А. И. Нейдгардта генерал-адъютанту А. И. Чернышеву от 7 января 1844 г. [Движение горцев Северо-Восточного Кавказа, 1959, с. 428–429].

Мы не знаем, в какой степени распространившиеся среди крымских татар летом 1832 г. слухи и стихи о скором пришествии на полуостров египетского паши повлияли

на решение Николая I вмешаться в борьбу Мухаммеда Али с Махмудом II. Вряд ли донос Джуроглу сыграл в этом деле решающую роль, но он мог оказать определенное воздействие на выработку внешнеполитических решений (миссия Н. Н. Муравьева). Несомненно, однако, что российская власть, всегда опасавшаяся собственных мусульман, была всерьез обеспокоена египетской агитацией среди них, которая видимо осуществлялась в первую очередь во время хаджа. Другим, не менее важным следствием рвения верноподданного турка стали русские переводы тех самых “вражбых рифм” – стихов из сборника Муллы Дервиша – самобытных и интересных памятников крымскотатарской поэзии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты духовных песен
[ГАРФ, ф. 109, оп. 1832, д. 409, л. 36–38]

Перевод с татарского

Песня Мегмеда-Али паши

Содействием Божиим эпоха неверных минула,
Победоносный Мегмед-Али паша знамя свое открыл,
С войском своим Морейскую крепость перешол;
Благодарение Господу! Случай дал султан Магмуту.

Теперь неверных войско пробито,
Коликих сот тысяч неверных крови пролито,
Московского Государя поясница погнута;
Благодарение Господу! Случай дал султан Магмуту.

Победоносный Мегмед Али паша ферман получил,
Морейскую крепость уже обложил,
Коликия сотни тысяч неверных без воды погбло;
Благодарение Господу! Случай дал султан Магмуту.

Мегмед-Али паша сказал: ну! Не найдете способов.
Государь мой! Удостой меня повелением;
Содействием Господним сего москова завладею –
Божества судьбою Аждер-мелек султану личное
Посещение сделать имею.

Примечание:

Мелек султана гроб
находится в Крыму в
предместии Азиз при
городе Бахчесарае

То есть: полагаю, этот Крым порожний остров,
Всего народа сердце сгорело в огне;
Ночь и день не выходят из моего ума святягы их;
Храброму Султан Ахмету личное посещение
сделать имею.

Примечание

гроб храбраго
Султан Ахмета
находится в скале
Саладжик
при г. Бахчесарае

Мегмет-Али паша сказал: да буду готов,
От султана Магмута повеление получил,
Ночь и день в праведном пути военные подвиги творить;
Крымскому народу благоволение сделать имею.

Лето и зиму, не выходить стали из ума моего святыя,
Содействием Божиим этот Крым завладею,
Увидят в живых оставшиися;
Прошу от божественной Судьбы! Да помогут святыя;
Гази Мансур султану личное посещение сделать
имею.

Примечание:
гроб Гази Мансур султана
находится в Бахчесарае
при Еврейском городке

Мегмет Али паша сказал: воинский подвиг уже сотворил,
Где проходил, те места пепелом и пустынею стали,
Толиким неверным месть свою воздал;
Этому крымскому народу один знак имею.

Конец

Переводил с турецко-татарского песенника в Бахчесарае
турецкой службы подполковник Ахмет Джуроглу.
1832 года

Перевод с татарского

Духовная песня

Помочь от тебя чистейшей чистоты,
Поспевай к нам, без способов мы остались;
Мы неверным пленники соделались.
Отсекут язык правоверных,
Какое будет правоверных положение?
Помочь от тебя, святой Алий!
Вся окольность на нас враждебна,
Смутители тоже злобны,
Без способов мы остались
Помочь от тебя, святой Осман!
У неверных полено горит,
А у правоверных свеча гасит (sic!);
Помочь от тебя, святой Йомер!
Что на языке нашем изъясняем,
То и в мыслях имеем;
Помочь от тебя, Абу-Бекир!
Пленниками соделались все малолетние и
Плачут о! Святый сын!
Помочь от тебя, о! Мухаммед!

Конец

Переводил с татарско-турецкого песенника в Бахчесарае турецкой
службы подполковник Ахмет Джуроглу.
1832 года

АРХИВЫ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арапов Д. Ю. Первый российский указ о паломничестве в Мекку // *Россия в средние века и новое время*. М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. С. 293–301.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.* Сб. документов / Дагест. филиал Акад. наук СССР. Ин-т истории языка и литературы им. Гамзата Цадасы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959.
- Еремеева Т. В. Заключительный этап египетского кризиса 1831–1833 гг. и великие державы // *Ученые записки по новой и новейшей истории*. Вып. 2, 1956. С. 475–518.
- Зайцев И. В. Ода Бахчисараю (крымско-татарский тюрки из анонимного османского джонка) // *Basileus. Сб. ст., посвященный 60-летию Д. Д. Васильева*. М., 2007.
- Зайцев И. “Ода за Бахчисарай” (Крымско-татарско тюркю от анонимен османски джбонк) // *Български фолклор. Списание за фолклористични, етноложки и антроположки изследвания*. XXXIV. Кн. 3–4. Ислям и народни традиции. Съставител: Г. Лозанова. София, 2008.
- Зайцев И. В. Гази-Мансур // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. Вып. 5. М., 2012.
- Зайцев И. В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII вв. // *Золотоордынское обозрение*. № 2, 2015.
- Зеленев Е. И. *Египет: Средние века. Новое время*. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
- Кондораки В. Х. *В память столетия Крыма. Этнография Тавриды*. Т. 2. М.: Типография В. В. Чичерина, 1883.
- Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 г.* Вст. статья Т. Прохоровой. Пер. с англ. Т. Прохоровой, О. Широкова. Под ред. Э. Петровой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2016.
- Лайелл Р. Симферополь и его окрестности. Из “Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии” // *Крымский альбом 2002. Историко-краеведческий и литературно-художественный альманах*. Сост., предисл. к публ. Д. Лосева. Феодосия–М., 2003.
- Муравьев Н. Н. *Русские на Босфоре в 1833 г. Из записок Н. Н. Муравьева (Карсского)*. М., 1869.
- Муравьев Н. Н. *Дела Турции в 1832 и 1833 гг. Ч. II. Война с Египтом*. М., 1874.
- Петрунина Ж. В. *Социально-экономическое и политическое развитие Египта в период правления Мухаммеда Али в российской общественно-политической мысли XIX в.* Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2008.
- Резван Е. А. Хадж из России // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. М., 1998. С. 96–98.
- Резван Е. А. Хадж из России // *Восток: история и культура*. СПб., 2000. С. 129–146.
- Сергеев А. А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 г. // *Крымские татары. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре*. Симферополь: Доля, 2005.
- Хадж российских мусульман*. № 2, 2009.
- Яровой-Равский В. И. Паломничество (хадж) в Мекку и Медину // *Сборник материалов по мусульманству*. Т. 1. СПб., 1899. С. 129–156.
- Baski I. A Crimean Turkic-Tatar Glossary from the 17th Century // *Archiv Orientalní*. Т. XL. Budapest, 1986.
- Burton R. F. *Personal Narrative of a Pilgrimage to El-Medinah and Meccah*. L.: Tylston and Edwards, 1892.
- Karsh E, Karsh I. *Empires of the Sand. The Struggle for the Mastery in the Middle East 1789–1923*. Harvard University Press, 2001.
- Fahmy Kh. *All the Pasha's Men. Mehmed Ali, Hhis Army and the Making of Modern Egypt*. The American University in Cairo Press, 1997.
- Rogan E. *The Arabs: A History*. New York: Basic Books, 2009.
- Gammer M. The Imam and the Pasha: a note on Shamil and Muhammad Ali // *Middle Eastern Studies*. 1996. No. 32, 4. P. 336–342.
- Le règne de Mohamed Aly d'après les archives russes en Égypte*. Vol. 1. *Rapports consulaires de 1819 à 1833* / Ed. R. Cattai. Le Caire, 1931.
- Le règne de Mohamed Aly d'après les archives russes en Égypte. 1931–1936*. Т. 2. *La mission du Colonel Duhamel, 1834–1837*. Douzième partie. *La mission, 1836–1837* / Ed R. Cattai. Rome: Nell' Instituto Poligrafico dello Stato per la Reale Società di Geografia d' Egitto, 1934.
- Rustum A. J. *The Royal Archives of Egypt and the Origins of the Egyptian Expedition to Syria 1831–1841*. Beirut: American Press, 1936.
- Rustum A. J. *The Royal Archives of Egypt and the Disturbances in Palestine, 1834*. Beirut, 1938.
- Rustum A. J. *The Struggle of Mehemet Ali Pasha with Sultan Mahmud II and Some of Its Geographical Aspects: Notes Prepared for the International Geographical Congress of Cairo*. [s.l.: s.n.]: 1925?